

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81'42, 82-3

DOI 10.23951/1609-624X-2021-6-7-16

ВОЗЬМЕМСЯ ЗА РУКИ, ДРУЗЬЯ: БУЛАТ ОКУДЖАВА В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ТЕЗАУРУСЕ МОЛОДЕЖИ

В. Д. Черняк, М. А. Черняк

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург

Введение. Рассматривается проблема культурного диалога представителей разных поколений. Прецедентные тексты, связанные с совокупностью знаний и представлений людей, принадлежащих к одной культуре, анализируются в связи со структурой языковой личности. Прецедентные феномены различных типов являются важной составляющей интертекстуального тезауруса. В процессе коммуникации немалую роль играют культурные аллюзии коммуникантов, их оперирование культурным багажом, в частности составляющими интертекстуального тезауруса.

Цель – анализ той части тезауруса русской языковой личности, которая связана с крылатыми словами одного из значительных авторов XX века – Булата Окуджавы.

Материал и методы. Постоянно воспроизводимые песни Булата Окуджавы формировали культурный код поколения 70–80-х гг. Многие фразы из его песен приобрели статус фольклорных, о чем свидетельствуют материалы словарей и Национального корпуса русского языка. Для исследования динамических процессов, характеризующих различия в культурной памяти поколений отцов и детей, был произведен эксперимент, в ходе которого были отобраны 10 популярных высказываний из поэзии Б. Окуджавы. Они легли в основу опроса, в котором участвовало около 1 000 человек. Респонденты должны были определить авторство высказываний и продолжить некоторые из них.

Результаты и обсуждение. Анализ результатов опроса показал, что даже самые распространенные высказывания из песен Б. Окуджавы в большинстве случаев не соотносятся в сознании респондентов с именем автора. Приписывание авторства самым неожиданным именам свидетельствует о глубоких лакунах в культурной памяти молодых людей, в то же время строки Б. Окуджавы присутствуют в интертекстуальном тезаурусе языковой личности, что во многом связано с взаимодействием вербальной и аудиовизуальной информации.

Заключение. Результаты анализа лексикографических источников и корпусные данные свидетельствуют о прецедентности многих поэтических строк Б. Окуджавы, в то же время анализ данных массового опроса отражает существенные изменения в интертекстуальном тезаурусе молодежи.

Ключевые слова: интертекстуальный тезаурус, прецедентные имена, цитация, культурная память, языковая личность.

Введение

Проблема культурного диалога представителей разных поколений, неразрывно связанная с проблемами культурной и языковой памяти и воспроизводимости, относится к числу ключевых междисциплинарных проблем. В лингвистической литературе активно обсуждается вопрос: «Что, как и почему воспроизводится? И что именно воспроизводится в коммуникации?» [1, с. 13]. Память, как индивидуальная, так и культурная память всего лингвокультурного сообщества, является свидетельством «коллективной культурной идентичности» [2, с. 333]. Она связана с определенным набором текстов, культурных клише, представлений и стандартных символов, наполненных особыми смыслами, «без наличия которых невозможно су-

ществование ни одной коммуникативной системы» [3, с. 147].

Б. М. Гаспаров отмечает цитацию (в широком ее понимании) как характерную особенность современного языкового существования, речевого поведения нашего современника: язык «вмещает в себя неопределенно большое – принципиально непериодическое – количество разнородных „кусков“ предыдущего языкового опыта, имеющих самую разную форму и объем. <...> Наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток „цитации“, черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти» [4, с. 13–14].

По образному высказыванию А. Гениса, «мы привыкли судить людей по цитатам, ибо часто они образуют собеседника, как бинты человека-неви-

димку. Всякая культура настояна на цитатах, но наша особенно. Там, где нельзя выделиться положением и богатством, цитата была паролем, позволяющим выделить своих навсегда и немедленно. С „Цветаевой“ ходили в филармонию, с „Асадовым“ – на танцы» [5]. Последнее замечание подчеркивает значимость социокультурных параметров цитации. Действительно, очень часто общность используемых языковой личностью прецедентных феноменов определяет успешность коммуникации, определение «своих», перспективу диалога. По словам М. Бахтина, «жить – значит участвовать в диалоге – вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться...» [6, с. 175]. В перечисленных коммуникативных действиях немалую роль играют культурные аллюзии коммуникантов, их оперирование культурным багажом. С. Зенкин подчеркивает: «Ассоциация „культуры“ и „цитаты“ – неслучайная: в самом деле, именно цитация свидетельствует о включенности текста в культуру, именно по ней мы опознаем некоторый текст как „культурный“, связанный с традицией образованности» [7].

Терминологически проблемы интертекстуальности и цитации органично соотносятся с актуальным сегодня понятием прецедентности. Прецедентные тексты, связанные с совокупностью знаний и представлений людей, принадлежащих к одной культуре, рассматриваются в связи со структурой языковой личности [8]. Прецедентные феномены различных типов являются важной составляющей интертекстуального тезауруса. Это понятие, введенное Н. А. Кузьминой [9], характеризует индивидуальный объем прецедентных феноменов различных типов (прецедентных текстов, имен, высказываний, ситуаций) [10], активно используемых в рецептивной или продуктивной коммуникативной деятельности.

Корпус активно используемых в социуме прецедентных феноменов представляет собой совокупность лексических и фразеологических единиц, крылатых фраз, отражающих систему ценностей лингвокультурного сообщества, актуальных культурных стереотипов. В. Н. Телия отмечает, что когда коммуниканты являются субъектами единой культуры, ее код так или иначе распознается в тексте [11, с. 215].

Уровень речевой компетенции говорящего определяется целой совокупностью его социальных характеристик, среди которых ведущее место занимают уровень образования, профессиональное или непрофессиональное отношение к речи, а также степень социальной активности личности. При этом успешность коммуникации, как устной, так и письменной, определяется способностью узнавать хрестоматийные тексты по цитатам, именам, от-

сылкам, намекам. Однако далеко не всегда автор может быть уверен в том, что адресат в состоянии адекватно интерпретировать или идентифицировать сигналы интертекстуальности. Ю. Н. Караулов образно представляет процесс рецепции интертекстуальных элементов: включение их в ментальное пространство слушающего «осуществляется подобно наведенной в сознании рефлекторной дуге, дуге условного рефлекса: намек (цитата или имя) – и вот уже определенное явление социально-психологического характера или какое-то событие общественно-политического, исторического значения оживает, активизируется в сознании слушающего, прецедент вступает в игру» [8, с. 217].

Часто обыгрывание крылатых фраз является своего рода визитной карточкой автора (писателя или журналиста) или издания массмедиа, однако, как показывают многочисленные опросы, лингвокреативные усилия, далеко не всегда распознаются читателем или слушателем. При этом чрезвычайно значимыми оказываются поколенческие различия. Нередко на глазах представителей одного поколения писатель-современник переходит в классический пантеон со всеми плюсами и минусами этого перемещения.

Отмеченные процессы требуют серьезного изучения, в частности социолингвистического. Исследования требуют как круг актуальных составляющих интертекстуального тезауруса языковой личности, так и динамические процессы, характеризующие различия в культурной памяти поколений отцов и детей.

В 2015 г. журнал «Русский репортер» провел интересное социологическое исследование по выявлению самых популярных поэтических строк (и собственно стихов, и строк из песен), в результате которого был сформирован своеобразный «народный список топ-100», позволяющий увидеть глубокие следы культурного кода, понять, «как популярные стихи и песни “работают” в нашей жизни» [12, с. 11], как интертекстуальный тезаурус усредненной языковой личности связан с массовой культурой.

Важным представляется обращение как к общему кругу прецедентных феноменов в тезаурусе языковой личности, так и к отдельным составляющим.

Целью данной статьи является анализ той части интертекстуального тезауруса русской языковой личности, которая связана с одним из значительных авторов XX в. – Булатом Окуджавой.

Материал и методы

Невероятная популярность песен Б. Окуджавы в 60–80-е гг. XX в, особенно в среде интеллигенции (в одном из интервью Окуджава говорил о бар-

довской песне, что она писалась «думающими людьми для думающих людей» [13, с. 3]), делала их безусловным фактором общественного сознания и не могла не оставить значимый след в коллективной памяти.

Д. Быков, отмечая неразрывную связь Б. Окуджавы с историей российского двадцатого века и в то же время с судьбой конкретного человека, писал: «Окуджава – случай особый: каждый чувствует его личной собственностью. <...> Каждый был уверен, что Окуджава поет лично для него и о нем» [13, с. 3]. Многие всенародно известные, постоянно воспроизводимые песни Булата Окуджавы, отличающиеся неповторимой песенной интонацией, интимизацией исполнения, приобрели статус фольклорных, а цитаты из них, соответственно, стали анонимными. «Главной приметой текста, уходящего в фольклор, становящегося если не анонимным, то всенародно известным и широко исполняемым, должна быть универсальность содержания, то есть приложимость его к максимальному числу жизненных ситуаций, выражение чувств, знакомых любому, но прежде остававшихся или табуированными, или неосознанными. Этим условиям песни Окуджавы удовлетворяют идеально – лучше, чем чьи-либо другие» [13, с. 138]. *Синий троллейбус, бумажный солдат, виноградная косточка, надежды маленький оркестрик, госпожа удача* и др. присваивались лично и становились стереотипами коллективного сознания. О статусе прецедентности высказываний из поэзии Б. Окуджавы свидетельствуют данные словарей. Прецедентные феномены широко представлены в следующих лексикографических изданиях, которые использовались при подготовке эксперимента (в каждом из указанных словарей более 20 крылатых выражений Б. Окуджавы) [14, 15, 16].

В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) по запросу *Окуджава* найдено 189 документов, 448 вхождений в основном корпусе и 256 документов, 366 вхождений – в газетном, что говорит о безусловной сохраняющейся значимости этого имени в различных коммуникативных ситуациях. Показательны приведенные в НКРЯ высказывания:

Окуджава достойно попрощался с двадцатым веком, который непредставим без него (Е. Евтушенко. Волчий паспорт);

Давайте восклицать, друг другом восхищаться <...> нашему веку несказанно повезло с такими современниками, какими были и остаются Булат Окуджава и Юрий Валентинович Трифонов (В. Смехов. Театр моей памяти);

Окуджава был нашим Пушкиным, Искандер – Шахерезадой, и только Сорокин – неизвестно кем (А. Генис. Москва, или в гостях);

Назову, однако, тех, кто, мне кажется, *достойно открыл своим именем новые должности в «штатном расписании» общества*: Святослав Рихтер, *Булат Окуджава*, Мстислав Ростропович, Святослав Федоров, Алла Пугачева, Алексей Герман, Михаил Жванецкий, Егор Гайдар – надо ли говорить, кто эти люди и чем они занимаются? (В. Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике);

...*Вся моя юность связана с его поэзией. Окуджава для меня равноценен Пастернаку или Мандельштаму*. <...> Все его песни – «О московском муравье», «Прощание с новогодней ёлкой», «Опустите, пожалуйста, синие шторы»... – *великая поэзия* (С. Спивакова. Не всё);

Булат Окуджава в свое время стал для интеллигенции символом народного поэта (А. Асмолов. Неклассическая психология будущего).

Очень показателен следующий фрагмент текста, демонстрирующий приложение прецедентных высказываний Б. Окуджавы к разнообразным коммуникативным ситуациям, их место в рефлексивных поисках языковой личности и вполне соответствующий следующей характеристике метакоммуникации: «Это как бы „взгляд в зеркало“, призванный регулировать процесс общения, оценить его, договориться об условиях и условностях» [17, с. 193]:

Мы хотели написать «Просьбу года» – *«Не обещайте деве юной любви вечной на земле!»*. Потом хотели отметить «Предложение года» – *«Давайте говорить друг другу комплименты»*, потом подумали о «Падежах года» – *«Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе»*, потом о констатации года: *«Для чего мы пишем кровью на песке? Наши письма не нужны природе»*. А еще в 1975 г. было: *«Бери шинель – пошли домой»*, *«Каждый пишет, как он слышит. Каждый слышит, как он дышит»*... И тогда мы написали: *поэт года – Булат Окуджава* (В. Быков, О. Деркач. Книга века).

Все приведенные примеры свидетельствуют об особом месте поэзии Окуджавы в жизни его современников, о том, что его песни составляли часть культурного кода значительной части общества, в том числе студенческой молодежи.

Вот лишь некоторые из чрезвычайно распространенных крылатых фраз Б. Окуджавы: *Нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим; С войной покончили мы счеты; Давайте говорить друг другу комплименты; Надежды маленький оркестрик под управлением любви; На фоне Пушкина снимается семейство; Поднявший меч на наш союз достоин будет худшей кары; Не обещайте деве юной любви вечной на земле; Пока Земля еще вертится, пока еще ярок свет, Господи, дай же ты каждому, чего у него нет; Римская им-*

перия времени упадка сохраняла видимость твердого порядка. Каждая из них возбуждала у современников цепочку значимых ассоциативных связей, однако остается открытым вопрос о значимости этого имени и всей цепи культурных ассоциаций, с ним связанных, в сознании современной молодежи.

Безусловным показателем прецедентности того или иного высказывания является его полный отрыв от прецедентного текста, функционирование в качестве самостоятельной языковой единицы, в ряде случаев уже проходящей процесс фразеологизации, о чем свидетельствуют несколько примеров из НКРЯ:

Когда на Тверской улице поставили опекушинского Пушкина, его передали Мосгордуме, и никакой борьбы вокруг него нет, потому что с него ничего «слупить» нельзя, кроме того, что на фоне Пушкина снимается семейство (Е. Васенина, И. Васюнин. Только не ставьте в мавзолей джакузи // «Новая газета», 2003.01.02).

Мне повезло дружить с ним и даже участвовать в его фильмах, иногда в кадре, а порой просто болельщиком. На фоне Пушкина снимается «семейство». Дети, взрослые. Он делает фильм об Александре Сергеевиче, а я снимаю Виноградова (Ю. Рост. Нам возвращая наш портрет // Новая газета, 2016.04.15).

А будь у него простая «мыльница», глядишь, процесс прошел бы мягче. Сейчас не принято ходить в фотоателье и делать постановочный снимок, который могут даже вывесить в витрине. Но зато мы с удовольствием снимаемся возле шикарных машин и особняков – неважно чьих, при случае – рядом со «звездами». На худой конец, «на фоне Пушкина снимается семейство»... Будет что вспомнить, говорим себе (Г. Агишева. Любите ли вы фотографироваться? // Труд-7, 2006.09.02).

Если в первых двух фрагментах хотя бы опосредованно присутствует ассоциативная связь с Пушкиным, то в последнем речь идет просто о стилистике постановочных фотографий.

Крылатая фраза *надежды маленький оркестрик под управлением любви* обычно обрастает сугубо положительными коннотациями, но, как это часто бывает с прецедентными феноменами, может трансформироваться (*Надежды маленький оркестрик под управлением ненависти*), в своем оксюморонном содержании выполняя экспрессивную функцию в идеологически окрашенном контексте (эту же функцию выполняет и трансформированная цитата из Окуджавы в заголовке: *Возьмемся за руки, враги...*):

Семья – это семь «я» (или два, или три, неважно). Если они видят, замечают друг друга, «надежды маленький оркестрик под управлением люб-

ви» сыграет – и будет играть годами – чудеснейшую мелодию. Она существует не только на бумаге, эта музыка семьи, но слышит ее лишь тот, кто понял, почему «я» не может быть аргументом самозащиты у взрослых членов этого единственного в своем роде союза (Г. Велданова. Последняя буква в алфавите // «Семейный доктор», 2002.05.15).

Вчера, на ночь глядя, в студии программы «Судите сами» опять собрались те, кто «не хотели бы проспать будущее». *Надежды маленький оркестрик под управлением ненависти*. Не было Павловского, но был Проханов. И снова шла речь об угрозах со стороны «американской военщины» и «пятой колонны опальных олигархов» (*Возьмемся за руки, враги...* // РИА Новости, 2007.11.23).

Для определения места языковых единиц, связанных с творчеством Б. Окуджавы, был проведен эксперимент, осуществлявшийся в несколько этапов. На первом этапе 10 филологов (профессоров, доцентов, аспирантов, учителей-словесников) методом интроспекции выделяли в своем интертекстуальном тезаурусе выражения, принадлежащие Б. Окуджаве (заметим, что в содержании общего исследовательского проекта Б. Окуджава рассматривался в ряду других имен, значимых для современной языковой личности). На втором этапе вся совокупность указанных единиц респондентами (своего рода экспертной группой) обобщалась и выделялись повторяющиеся высказывания. В результате на основе частотности был сформирован следующий список из 10 прецедентных высказываний:

1. До свидания, мальчики!
2. Ах, Арбат, мой Арбат;
3. Надежды маленький оркестрик;
4. Давайте говорить друг другу комплименты;
5. Ах, война, что ты подлая сделала;
6. На фоне Пушкина снимается семейство;
7. Бери шинель, пошли домой;
8. Виноградную косточку в теплую землю за-рою;
9. Ваше благородие, госпожа удача;
10. Не обещайте деве юной любви вечной на земле.

По поводу первого прецедентного высказывания следует заметить, что оно соотносится с двумя текстами – одноименной повестью Б. Балтера и песней Б. Окуджавы, однако прекрасную книгу Балтера все же нельзя отнести к прецедентным текстам.

На третьем этапе эксперимента указанные единицы были распределены по трем вариантам (наряду с другими составляющими общего эксперимента). В первом задании требовалось определить авторство предложенных высказываний. Во втором – испытуемым предлагалось продолжить вы-

сказывание (здесь фигурировали другие единицы). В инструкции содержалась просьба не обращаться к помощи электронных ресурсов, поскольку опрос носит не контрольный, проверочный, а исследовательский характер. Судя по ответам, респонденты в основном эту просьбу выполняли (показательна одна из приведенных в задании на продолжение высказывания реплик, записанная, видимо, после неудачной, с точки зрения самого респондента, попытки: *посмотрела в интернете, эххх! я знаю эту песню*).

Три варианта опроса были предложены большому количеству респондентов, прежде всего студентам вузов и учащимся старших классов, для выполнения их в электронном формате. В результате в первом варианте опроса приняли участие 355 человек, из них 59,4 % – лица от 18 до 20 лет, 20 % – от 21 до 35 лет. Во втором варианте опроса

участвовало 275 человек, в том числе 56,4 % – лица от 18 до 20 лет, 20 % – от 21 до 35 лет; в третьем варианте опроса – 348 человек, в том числе 65 % – лица от 18 до 20 лет, 23,6 % – от 21 до 35 лет, т. е. подавляющее большинство участников опроса – молодежь. Таким образом, 978 респондентов составили достаточно надежную экспериментальную базу.

География опроса – широкая. Больше всего участников из Санкт-Петербурга – 117, затем по мере убывания следуют Оренбург, Пермь, Магнитогорск, Челябинск, Новосибирск, Екатеринбург, Сочи, Томск, Москва и ряд других городов. Несколько участников представляли Германию, Канаду, Беларусь, Молдову.

Ниже приводятся три таблицы, представляющие ответы респондентов на вопрос об авторстве высказываний.

Вариант 1

№	Прецедентный феномен	Правильный ответ (число – количество ответов)	Другие ответы (число – количество ответов)
1	До свидания, мальчики!	Б. Окуджава 86	Не помню 214; И. Ильф и Е. Петров 13; А. Барто 11; В. Высоцкий 7; Ф.М. Достоевский 6; Г. Х. Андерсен 4; Ш. Перро 4; Р. Киплинг 3; С. Маршак 2; Дж. Роулинг 2; В. Шекспир 2; Н. А. Некрасов 1
2	Ах, Арбат, мой Арбат	Б. Окуджава 121	Не помню 153; В. Высоцкий 38; И. Ильф и Е. Петров 9; А. Барто 6; Г. Х. Андерсен 5; Н. А. Некрасов 5; К. Чуковский 5; С. Маршак 4; Дж. Роулинг 3; Ф. М. Достоевский 2; Ш. Перро 2; Р. Киплинг 1; В. Шекспир 1
3	Надежды маленький оркестрик	Б. Окуджава 101	Не помню 193; А. Барто 9; К. Чуковский 9; В. Высоцкий 8; Г. Х. Андерсен 7; И. Ильф и Е. Петров 7; С. Маршак 6; В. Шекспир 5; Н. А. Некрасов 3; Ф. М. Достоевский 2; Р. Киплинг 2; Ш. Перро 2; Дж. Роулинг 1
4	На фоне Пушкина снимается семейство	Б. Окуджава 74	Не помню 217; И. Ильф и Е. Петров 16; В. Высоцкий 10; Ф. М. Достоевский 10; С. Маршак 9; А. Барто 4; Н. А. Некрасов 4; Ш. Перро 4; Г. Х. Андерсен 3; К. Чуковский 2; Дж. Роулинг 1; В. Шекспир 1

Вариант 2

№	Прецедентный феномен	Правильный ответ (число – количество ответов)	Другие ответы (число – количество ответов)
1	Давайте говорить друг другу комплименты	Б. Окуджава 77	Не помню 132; А. Барто 11; В. Маяковский 11; В. Высоцкий 10; А. Линдгрэн 7; Н. А. Некрасов 5; Дж. Толкин 5; В. Шекспир 5; И. Ильф и Е. Петров 4; Ф. М. Достоевский 3; Ш. Перро 3; Дж. Родари 2
2	Ах, война, что ты подлая сделала	Б. Окуджава 112	Не помню 109; В. Высоцкий 27; В. Маяковский 6; А. Барто 5; Н. А. Некрасов 5; В. Шекспир 3; Ф. М. Достоевский 2; Дж. Толкин 2; И. Ильф и Е. Петров 1; А. Линдгрэн 1; Ш. Перро 1; Дж. Родари 1
3	Бери шинель, пошли домой	Б. Окуджава 82	Не помню 122; Ф. М. Достоевский 24; В. Высоцкий 16; Н. А. Некрасов 6; Ш. Перро 6; В. Шекспир 5; В. Маяковский 4; И. Ильф и Е. Петров 3; Дж. Толкин 3; А. Барто 2; Дж. Родари 2

№	Прецедентный феномен	Правильный ответ (число – количество ответов)	Другие ответы (число – количество ответов)
1	Виноградную косточку в теплую землю зарю	Б. Окуджавы 90	Не помню 189; В. Высоцкий 13; Н. А. Некрасов 12; Туве Янсен 9; А. Барто 8; Братья Grimm 7; К. Чуковский 6; Ш. Перро 5; А. Линдгрэн 3; Ф. М. Достоевский 2; И. Ильф и Е. Петров 2; В. Шекспир 2
2	Ваше благородие, госпожа удача	Б. Окуджавы 126	Не помню 124; В. Высоцкий 49; И. Ильф и Е. Петров 23; Братья Grimm 6; Ш. Перро 4; В. Шекспир 4; А. Барто 3; Н. А. Некрасов 3; Ф. М. Достоевский 2; А. Линдгрэн 2; К. Чуковский 1; Туве Янссон 1
3	Не обещайте деве юной любви вечной на земле	Б. Окуджавы 89	Не помню 155; В. Шекспир 41; Н. А. Некрасов 18; В. Высоцкий 15; А. Барто 9; И. Ильф и Е. Петров 6; А. Линдгрэн 5; Ш. Перро 4; Ф. М. Достоевский 3; Братья Grimm 2; Туве Янссон 1

Во втором задании участникам опроса предлагалось продолжить высказывания: *Ах Арбат, мой Арбат...*; *Нам нужна одна победа...*; *Не везет мне в смерти – ...*; *До свидания, мальчики! ...*; *С войной покончили мы счеты...*; *Давайте восклицать...*

Результаты и обсуждение

Обратимся к анализу результатов опроса. К сожалению, самым распространенным ответом (у более чем 50 % респондентов) явился ответ *не помню* (лишь в двух позициях – *Ваше благородие, госпожа удача* и *Ах, война, что ты подлая сделала* – количество правильных ответов и ответ *не помню* практически равны). Это, безусловно, свидетельствует о невысокой степени прецедентности предложенных высказываний в обследуемой аудитории.

Большой интерес представляют попытки респондентов определить авторство высказываний. На первый взгляд, они изумляют. Совершенно не понятно, каким образом фраза *Бери шинель, пошли домой* связывается с Достоевским (24 респондента), *Ах, Арбат, мой Арбат* – с Некрасовым, а *Не обещайте деве юной любви вечной на земле* – с Барто (9 респондентов). Очевидно, что респонденты на уровне высказываний даже не ощущают принадлежность приведенных строк к поэтической речи или специфики детской поэзии.

Более пристальный анализ совокупности анкет показывает, что для респондентов, подавляющая масса которых в различных школьных тестовых заданиях привыкла осуществлять выбор из предложенных вариантов, роль таких вариантов выполняет «вертикальный контекст» предложенных для атрибуции высказываний (они принадлежат Некрасову, Достоевскому, Ильфу и Петрову, Высоцкому, Окуджаве или одному из детских писателей и поэтов). Узнав отдельные хрестоматийные фразы, респонденты приписывают остальные квазизнакомые высказывания тем авторам, которых они узнали.

В то же время наблюдаются следы когнитивной обработки предложенного материала. Так, вполне закономерно, что нередко высказывания Б. Окуджавы приписываются В. Высоцкому. Например, для фразы *Ваше благородие, госпожа удача* 49 респондентов (17 %) отметили авторство В. Высоцкого. Действительно, воплощенное в песнях и часто воспроизводимое поэтическое творчество двух авторов соединяется в языковом сознании многих молодых людей. Представляет интерес приписывание авторства выражения *Не обещайте деве юной любви вечной на земле* Шекспиру (41 респондент). В этом случае ощущается попытка связать смысл высказывания с содержанием трагедий Шекспира.

Значимым представляется еще один факт, обнаруживающийся при анализе результатов вопроса. Как уже было сказано, круг указываемых авторов, в частности поэтов, вообще не расширяется.

Принципиально иной оказывается ситуация с авторами произведений для детей. Их появление мотивировано тем, что в анкетах указано несколько прецедентных феноменов, связанных с детским чтением (*Мы с Тamarой ходим парой*; *Пенни Длинный Чулок*, *Чиполлино* и др.). Круг авторов детских книг, указанных при определении авторства крылатых слов Б. Окуджавы, превышает общее число всех других авторов: А. Барто, Г. Андерсен, Ш. Перро, Р. Киплинг, С. Маршак, Дж. Роулинг, К. Чуковский, Дж. Толкиен, Дж. Родари, А. Линдгрэн, братья Grimm, Туве Янссон. Так, высказыванию *Ваше благородие, госпожа удача* приписывается авторство А. Барто, Ш. Перро, братьев Grimm, А. Линдгрэн, К. Чуковского, Туве Янссон; высказывание *Ах, война, что ты подлая сделала* – В. Маяковскому, А. Барто, Дж. Толкину, А. Линдгрэн, Ш. Перро, Дж. Родари. Эти курьезные, на первый взгляд, факты имеют серьезное психолингвистическое и социолингвистическое объяснение. Тексты детской литературы особенно прочно закреплены в языковом сознании, о чем свидетельст-

вуют данные психолингвистических экспериментов и ассоциативных словарей. Они возникают в памяти и спонтанно используются в самых разнообразных коммуникативных ситуациях [18–21]. Этот механизм сработал и в процессе рефлексии над цитатами Б. Окуджавы.

К интересным выводам приводит и анализ заданий на завершение крылатых выражений. Хотя и здесь достаточно велико число отказов, но можно предположить, что они в ряде случаев объясняются простым нежеланием респондентов тратить время на развернутую запись ответа. В тех же случаях, когда ответ дан, наблюдается очень широкая вариативность ответов – от одного слова до разных фрагментов песни, не сочетающихся в линейном ряду непосредственно с приведенным выражением. Ср.:

Ах Арбат, мой Арбат... ты моя религия; Ты мое призвание; ты – мое призвание. Ты – и радость моя, и моя беда; ты – моя религия, мостовые твои подо мной лежат; ты мое отечество; ты – моя религия (призвание, отечество); ты мое призвание (?), ты и радость моя...; ты мое призвание, ты и радость моя, и моя беда; ты мое пристанище; Ты моя мелодия.

Нам нужна одна победа ... Одна на всех, мы за ценой не постоим; одна на всех; Мы за ценой не постоим; Здесь птицы не поют; и за ценой не постоим.

Давайте восклицать... Друг другом восхищаться; Давайте; Давайте восклицать, друг другом восхищаться; Давайте восхищаться; давайте говорить друг другу комплименты, ведь это все любви счастливые мгновенья; друг другу потакая.

Все это говорит о том, что, хотя высказывания в ряде случаев не соотносятся в сознании респондентов с именем Окуджавы, они присутствуют в интертекстуальном тезаурусе языковой личности и могут сработать в нужный момент. Ср.:

Пока едешь по эскалатору наверх, в ад (нынешним летом пекло наверху), тебе диктор читает стихи Окуджавы про давайте восклицать и плакать с полуслова. Как закончит – так сразу другой диктор зовет на распродажу в торговый центр. Кто купит больше, чем на три тысячи, тому новый диск Наташи Королёвой с ее автографом (М. Бару. Записки понаехавшего).

Подтверждаются результаты социологического эксперимента, проведенного журналом «Русский репортер», о котором говорилось выше: в современной коммуникации чрезвычайно важно влияние визуальной и звуковой составляющих, связанных с кино, телевидением, интернет-коммуникацией.

Заключение

Результаты анализа лексикографических источников и корпусные данные свидетельствуют о прецедентности многих поэтических строк Б. Окуджавы, их особой значимости для языковой личности 60–80-х гг. XX в., в том числе для студенческой молодежи. Проведенный массовый опрос продемонстрировал существенные изменения в интертекстуальном тезаурусе молодежи. Даже самые распространенные высказывания из песен Б. Окуджавы в большинстве случаев не соотносятся в сознании респондентов с именем автора. Приписывание авторства самым неожиданным именам свидетельствует о глубоких лакунах в культурной памяти молодых людей, в то же время строки Б. Окуджавы, нередко непосредственно не связанные с именем автора, присутствуют в интертекстуальном тезаурусе языковой личности, что во многом объясняется взаимодействием вербальной и аудиовизуальной информации.

В заключение воспользуемся очень значимой для данного исследования цитатой А. Гениса: «Отцов от детей отличают цитаты – одни их подхватывают, другие не знают, где ставить кавычки» [22, с. 329]. Тексты Окуджавы отражали общий культурный код его современников, были свидетельством «коллективной культурной идентичности» и своеобразным зеркалом поколения, однако в первые десятилетия XXI в. произошли существенные изменения в качестве интертекстуального тезауруса молодежи, влияющие на восприятие текстов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «20-512-18006 Болг_а» («Вербализация культурной памяти: прецедентика в тезаурусе молодого поколения России и Болгарии»).

Список литературы

1. Красных В. В. Лингвокогнитивная природа феномена воспроизводимости в свете психолингвокультурологии // Мир русского слова. 2014. № 2. С. 9–16.
2. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 520 с.
3. Денисова Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод М.: Азбуковник, 2003. 297 с.
4. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 351 с.
5. Генис А. Уроки чтения. Камасутра книжника. М.: АСТ, 2013. 352 с.

6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества // Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
7. Зенкин С. Неуютность цитаты // Человек – культура – история. В честь семидесятилетия Л. М. Баткина / Российский государственный гуманитарный университет. М.: Изд. РГГУ, 2002. С. 293–307.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
9. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: Изд-во ОмГУ, 2009. 225 с.
10. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
11. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.
12. Лейбин В., Благова Д. Слова не выкинешь: Какие песни мы поем в душе и какими стихами говорим // Русский репортер. 2015. № 15 (391). С. 10–19.
13. Быков Д. Л. Булат Окуджава. М.: Молодая гвардия, 2009. 366 с.
14. Большой словарь крылатых слов русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулешкова. М.: Русские словари, 2000. 623 с.
15. Душенко К. В. Большой словарь цитат и крылатых выражений: 13 300 цитат и крылатых выражений из области литературы, истории, политики, науки, религии, философии и популярной культуры. М.: Эксмо, 2011. 1215 с.
16. Шулешкова С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства: более 1 000 крылатых выражений. М.: Азбуковник: Русские словари, 2003. 427 с.
17. Кашкин В. Б. Метакоммуникация в пространстве обыденного и научного познания // Коммуникативное пространство: измерения, пределы, возможности: материалы выступлений на V Междунар. конф. РКА «Коммуникация-2010». М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 193–196.
18. Didkovskaya V., Chernyak V., Chernyak M. Children's Reading As A Source Of Intertextual Inclusions In Fiction // EpSBS – European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Т. 108: Man. Society. Communication: P. 120–128. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.02.15
19. Детское чтение: проблемы рецепции и интерпретации / отв. ред. В. Д. Черняк, М. А. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. 224 с.
20. Черняк В. Д., Носова Н. П. Детское чтение и языковая способность // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXI: Когнитивно-функциональная грамматика: тенденции и перспективы: сб. науч. тр. / отв. ред. вып. Т. А. Клепикова. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 168–171.
21. Черняк В. Д., Сидоренко К. П., Носова Е. П. Крошка сын к отцу пришел: Прецедентные имена и высказывания из детской литературы. Опыт словаря / отв. ред. В. Д. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 216 с.
22. Генис А. Шесть пальцев. Пушгоры. М.: Изд. КоЛибри, 2009. 640 с.

Черняк Валентина Данииловна, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Набережная реки Мойки, 48, Санкт-Петербург, Россия, 191186).
E-mail: vdcher@yandex.ru

Черняк Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Набережная реки Мойки, 48, Санкт-Петербург, Россия, 191186).
E-mail: ma-cher@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 16.08.2021

DOI 10.23951/1609-624X-2021-6-7-16

LET'S JOIN OUR HANDS, MY DEAR FRIENDS: BULAT OKUDZHAVA IN THE INTERTEXTUAL THESAURUS OF THE YOUNG

V. D. Chernyak, M. A. Chernyak

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

Introduction. The article deals with the issue of the cultural communication between representatives of different generations. The precedent texts associated with the common knowledge of people belonging to a single culture are studied in line with the structure of a linguistic personality. Precedent phenomena of various types are an important part of an intertextual thesaurus. In the process of communication, the cultural allusions of communicants play a great role, as well as the application of their cultural backgrounds that include components of the intertextual thesaurus.

Aim and objectives. The purpose of the article is to analyze the area of the Russian linguistic personality thesaurus that contains the catchphrases by Bulat Okudzhava – a prominent 20th century Russian author.

Material and methods. Being constantly played out in the 1970–1980s, Bulat Okudzhava's songs were shaping the cultural values of the generation. Many phrases from the songs got a folklore status, which is witnessed both by the dictionaries and by the Russian National Corpus. In order to study the dynamics characterizing the differences in the cultural memory of generations of fathers and sons an experiment has been carried out based on the 10 popular catchphrases from Okudzhava's verse. These phrases underlie the survey covering an audience of approximately 1,000 people. Those surveyed had to determine the authorship of the phrases and to continue some of them.

Results and discussion. The analysis showed that in most cases there are no links in the mind of respondents between the name of Bulat Okudzhava and even the most widespread phrases from his songs. The authorship was often attributed to fully unexpected names, which shows serious gaps in the cultural memory of the young. However, it was proven that Okudzhava's catchphrases definitely exist in the intertextual thesaurus of the linguistic personality, which is surely determined by the interaction of verbal and multimedia information.

Conclusion. The analysis of the dictionary entries and the corpus data proves the precedent status of many of the Okudzhava's phrases. Nevertheless, the results of the mass survey reflect a significant change in the intertextual thesaurus of the young.

Keywords: *intertextual thesaurus, precedent names, citation, cultural memory, linguistic personality.*

References

1. Krasnykh V. V. Lingvokognitivnaya priroda fenomena vosproizvodimosti v svete psikholingvokul'turologii [The linguocognitive nature of the phenomenon of reproducibility in the light of psycholinguoculturology]. *Mir russkogo slova*, 2014, no. 2, pp. 9–16 (in Russian).
2. Bragina N. G. *Pamyat' v yazyke i kul'ture* [Memory in language and culture]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007. 520 p. (in Russian).
3. Denisova G. V. *V mire interteksta: yazyk, pamyat', perevod* [In the world of intertext: language, memory, translation]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 297 p.
4. Gasparov B. M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence]. Moscow, 1996. 351 p. (in Russian).
5. Genis A. *Uroki chteniya. Kamasutra knizhnika* [Reading lessons. The Kama Sutra of the scribe]. Moscow, AST Publ., 2013. 352 p. (in Russian).
6. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. *Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh* [The problem of the text in linguistics, philology and other humanities]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. Pp. 237–280 (in Russian).
7. Zenkin S. *Neuyutnost' tsitaty* [Uncomfortable quotes]. *Chelovek – kul'tura – istoriya. V chest' semidesyatiletia L. M. Batkina* [Man – culture – history. In honor of the seventieth birthday of L. M. Batkin]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2002. Pp. 293–307 (in Russian).
8. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2007. 264 p. (in Russian).
9. Kuz'mina N. A. *Intertekst: tema s variatsiyami. Fenomeny kul'tury i yazyka v intertekstual'noy interpretatsii* [Intertext: theme with variations. Phenomena of culture and language in Intertextual Interpretation]. Omsk, OmSU Publ., 2009. 225 p. (in Russian).
10. Gudkov D. B. *Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow, 2003. 288 p. (in Russian).
11. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1996. 284 p. (in Russian).
12. Leybin V., Blagova D. *Slova ne vykinesh': Kakiye pesni my poem v dushe i kakimi stikhami govorim* [What songs do we sing in the soul and what poems do we speak]. *Russkiy reporter*, 2015, no. 15 (391), pp. 10–19 (in Russian).
13. Bykov D. L. *Bulat Okudzhava* [Bulat Okudzhava]. Moscow, 2009. 366 p. (in Russian).
14. Berkov V. P., Mokiyenko V. M., Shulezhkova S. G. *Bol'shoy slovar' krylatykh slov russkogo yazyka* [A large dictionary of the winged words of the Russian language]. Moscow, 2000. 623 p. (in Russian).
15. Dushenko K. V. *Bol'shoy slovar' tsitat i krylatykh vyrazheniy: 13 300 tsitat i krylatykh vyrazheniy iz oblasti literatury, istorii, politiki, nauki, religii, filosofii i populyarnoy kul'tury* [A large dictionary of quotations and catch phrases: 13,300 quotes and catch phrases from the field of literature, history, politics, science, religion, philosophy and popular culture]. Moscow, 2011. 1215 p. (in Russian).
16. Shulezhkova S. G. *Slovar' krylatykh vyrazheniy iz oblasti iskusstva: boleye 1 000 krylatykh vyrazheniy* [Dictionary of winged expressions from the field of art: more than 1,000 winged expressions]. Moscow, Azbukovnik: Russkiye slovari Publ., 2003. 427 p. (in Russian).

17. Kashkin V. B. Metakommunikatsiya v prostranstve obydennoy i nauchnogo poznaniya [Metacommunication in the space of everyday and scientific knowledge]. *Kommunikativnoye prostranstvo: izmereniya, predely, vozmozhnosti: materialy vystupleniy na V Mezhdunarodnoy konferentsii RKA "Kommunikatsiya-2010"* [Communicative space: dimensions, limits, possibilities: materials of speeches at the V International Conference of the RSA "Communication-2010"]. Moscow, 2010. Pp. 193–196 (in Russian).
18. Didkovskaya V., Chernyak V., Chernyak M. Children's Reading As A Source Of Intertextual Inclusions In Fiction. *EpSBS – European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 2020, vol. 108. Man. Society. Communication, pp. 120–128. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.02.15
19. Chernyak V. D., Chernyak M. A. (red.). *Detskoye chteniye: problemy retseptsii i interpretatsii* [Children's reading: problems of reception and interpretation]. Saint Petersburg, Herzen University Publ., 2020. 224 p. (in Russian).
20. Chernyak V. D., Nosova N. P. Detskoye chteniye i yazykovaya sposobnost' [Children's reading and language ability]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXXI: Kognitivno-funktional'naya grammatika: tendentsii i perspektivy: sbornik nauchnykh trudov* [Cognitive language studies. Issue XXXI: Cognitive-functional grammar: trends and prospects: a collection of scientific papers. Executive editor of the issue T. A. Klepikova]. Tambov, Dezhavin Tambov State University Publ., 2017. Pp. 168–171 (in Russian).
21. Chernyak V. D., Sidorenko K. P., Nosova E. P. *Kroshka syn k otsu prishel: Pretsedentnye imena i vyskazyvaniya iz detskoy literatury. Opyt slovary* [Baby son came to his father: Precedent names and sayings from children's literature. Dictionary Experience]. Ed. V. D. Chernyak. Saint Petersburg, Herzen University Publ., 2021. 216 p. (in Russian).
22. Genis A. *Shest' pal'tsev. Pushgory* [Six fingers. Pushgory]. Moscow, 2009. 640 p. (in Russian).

Chernyak V. D., Doctor of Philological Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (ul. Naberezhnaya reki Moiki, 48, Saint Petersburg, Russian Federation, 191186).
E-mail: vdcher@yandex.ru

Chernyak M. A., Doctor of Philological Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (ul. Naberezhnaya reki Moiki, 48, Saint Petersburg, Russian Federation, 191186).
E-mail: ma-cher@yandex.ru